

Р.М. Гусейнов

НЕРЕФОРМИРУЕМАЯ РОССИЯ

С тех пор, как с карты мира исчез Советский Союз, а вслед за ним и другие страны советского блока, под словосочетанием «экономическая реформа» мы стали понимать преобразования общественных отношений в направлении рыночной, а точнее капиталистической экономики.

«Строительство» капитализма

Когда мы говорим о развитии индустриального общества в Великобритании, Франции, Италии или в Соединенных Штатах Америки, нам не приходит в голову мысль о том, что там кто-то намеренно, сознательно, «планово» строил капиталистическую экономику. Трудно представить себе ситуацию, чтобы собрались члены какого-то совета при главе государства или инициативная группа граждан с повесткой «О строительстве капитализма в стране». Капитализм возник как естественноисторический процесс, как объективное движение к индустриальной экономике независимо от желаний и намерений отдельных людей или их сообществ. Так было в большинстве случаев. Но есть и значительные исключения.

Довольно часто движение к новой экономической системе, модернизация общества иницируется крупными личностями, руководителями государств и правительств, как правило, в результате осознания определенной отсталости (иногда мнимой) страны по сравнению с мировыми лидерами. Опасение отклониться от наметившегося «вектора прогресса», снижение темпов роста или кризисное состояние экономики, социальные конфликты, ослабление внешнеэкономических и внешнеполитических позиций, личные амбиции руководителей государств, — все может стать поводом для выработки особой модернизаторской политики. История знает несколько случаев, когда движение к индустриальному обществу в его капиталистической (а позже

и социалистической) форме становилось результатом вполне осознанной и программируемой экономической политики.

И эти «случаи» представляют собой весьма значительные явления экономической истории. Ведь речь идет не о каких-то мало-значительных государствах и малочисленных народах, безропотно следующих в фарватере стран-локомотивов. Во всяком случае, в трех великих державах — в Германии, Японии и России — движение к капиталистической рыночной системе стало результатом сознательной государственной социально-экономической политики. В России — дважды, а в Германии, во всяком случае, в восточных ее землях, даже трижды в течение полутора веков. Естественно, что политика такого рода, приводящая к изменениям «геологического» уровня, всегда связывается с именами выдающихся лидеров. В наших случаях — это канцлер Германии *Отто фон Бисмарк*, российский царь *Александр II* и японский император *Мэйдзи*.

На примере этих стран с удивлением обнаруживаешь, что идеи «витают в воздухе». Ведь в разных странах примерно в одно и то же время руководители государств осуществляют примерно одну и ту же политику и добиваются очень близкими методами одинаковых результатов. Они, естественно, не советовались друг с другом, а информационные технологии того времени (60–70-е гг. XIX в.) не позволяли уследить в подробностях достаточно бурные процессы в разных концах континента. Да и вряд ли канцлер, царь и *тэнно* ставили своей целью изучение чужого опыта. Великие люди, как правило, самодостаточны. Но факт налицо — созидательная политика индустриальной модернизации подчиняется каким-то закономерностям, даже если они — закономерности — и не осознаны.

С научной и практической точек зрения интересно проследить результативность экономических реформ в трех странах. И тут мы обнаруживаем парадоксальный результат: если в Германии и Японии социально-экономические преобразования привели к возникновению и функционированию капиталистической экономики в своеобразных национальных формах, то в России капитализма не было даже в период «капитализма».

О России — разговор особый. А пока посмотрим, как осуществлялось движение к капиталистической экономике в Германии и Японии.

Капиталистическая модернизация в Германии

Начало XIX столетия не сулило Германии ничего хорошего. Раздробленная на почти три сотни мелких и мельчайших государств — королевств, герцогств, курфюршеств — Германия была все еще отсталой окраиной Западной Европы. В сельском хозяйстве продолжали существовать феодальные обычаи, в городах господствовали цехи и гильдии.

Свет свободы от феодальных пут, забрезживший было при Наполеоне (1805–1807 гг.), довольно быстро погас после его изгнания. Венский конгресс (ноябрь 1814 г.) даже не пытался восстановить единство Германии. Вместо империи был создан эфемерный Германский союз, состоящий из 37 государств-монархий и четырех вольных городов (Гамбург, Бремен, Любек, Франкфурт-на-Майне). Крестьянское освобождение было практически приостановлено. Но видимо память о наполеоновских вольностях была сильна: в 1816–1821 гг. освобождение все-таки было проведено, но таким образом, что 60% пахотных земель Союза оказались в руках юнкеров (дворян), 30% — у крупных крестьян, собственников земли (гроссбауэров) и лишь 10% — у мелких самостоятельных хозяев. Крестьяне должны были выкупать земельные участки, и этот процесс во многих местах растянулся до 1848 г. Правда, объективности ради, скажем, что выкупная цена за землю устанавливалась в три раза ниже рыночной. В ходе земельной реформы в прошлое уходила и крестьянская община-марка.

В 20-х гг. XIX в. произошло некоторое оживление в промышленности Германии (преимущественно мануфактурной). Тогда-то и стали раздаваться требования если не объединения, то хотя бы организации таможенного союза германских государств. Только в 1833 г. Германский таможенный союз был создан. В него вошли 18 государств во главе с Пруссией. Этот факт означал начало экономического объединения страны. В 1835 г. в Германии появилась первая крохотная железная дорога между Нюрнбергом и Фюртом (около 10 км). Но в 40-х гг. объективная необходимость создания внутригерманских транспортных коммуникаций привела к довольно интенсивному железнодорожному строительству, что в свою очередь мультипликативно подталкивало промышленное развитие.

Молодая и пока слабая германская промышленность порожидала новые явления в социально-экономической жизни.

1. Развитие промышленности не принесло облегчения трудящимся. Социальное положение городских тружеников ухудшалось в связи с тем, что германский капитал, намереваясь догнать своих европейских соперников, чрезвычайно напористо наступал на естественные права трудящихся. Рабочий день повсеместно достигал 14 часов. Удельный вес женщин и детей в городском пролетариате составлял одну треть. Дневная заработная плата рабочих в Германии не превышала 60% от уровня заработной платы в Англии и около 22% от уровня США. Если добавить политическое бесправие, произвол полиции и фабрикантов, то легко понять раннее возникновение активных форм классовой борьбы в Германии, периодически приостанавливающих промышленное развитие. В стране назревал политический кризис, выход из которого буржуазия и юнкеры искали, с одной стороны, в диктаторской власти, а с другой — в реализации компромиссной социальной политики.

2. После 1848 г. в Германии началась настоящая «экономическая революция», сопровождаемая интенсивным грюндерством, то есть лихорадочным и нередко жульническим учредительством предприятий, акционерных компаний, финансово-кредитных учреждений. Особенно быстро росли железнодорожные компании. Масштабы германского железнодорожного строительства уникальны. За 20 лет в 50-е и 60-е гг. XIX в. длина железных дорог выросла с 6 тыс. км до 19,6 тыс. км. Такого темпа не знала даже Англия. Строительство железных дорог вызвало к жизни массу сопряженных и смежных отраслей хозяйства — от металлургии до производства спецодежды.

3. Промышленная революция привела к созданию уникальной прусской системы технического образования. В Пруссии государство поддерживало и финансировало распространение новых технологий через подготовку, переподготовку и консультирование инженеров и техников. Но с самого начала техническое развитие было поставлено на службу военных ведомств.

4. Практически во всех германских государствах устанавливался режим жесткого протекционизма. Характерно, что политика промышленного протекционизма осуществлялась вопреки

сопротивлению юнкеров — экспортеров хлеба в Англию. Возникло новое противоречие: между промышленной буржуазией и дворянами — производителями товарного хлеба. Высокие импортные пошлины для промышленных изделий и государственная поддержка отечественных производителей получили мощное теоретическое и идеологическое основание в виде концепций «исторической школы» в политической экономии. Выдающийся немецкий ученый *Фридрих Лист* (1789–1846) в своем главном труде «Национальная система политической экономии» (1841) резко выступил против «космополитизма» английских классиков. Отрицая существование всеобщих и универсальных экономических законов, он предлагал исследовать особенности национальной экономики, ставя перед собой практическую цель выработки рекомендаций для экономической политики. Национализм, «воспитательный протекционизм», активное вмешательство государства в экономику с целью создания единого общенационального рынка и защиты национальной экономики от конкуренции со стороны иностранных предпринимателей — вот политика, необходимая для промышленной модернизации Германии.

Всем ходом истории XIX в. Германия была подготовлена к решительным действиям, главной целью которых было политическое объединение и создание условий для предстоящего лидерства в европейской модернизации. Миссию реализации этой цели взял на себя Отто фон Бисмарк (1815–1898)¹.

В сентябре 1862 г. король Пруссии Вильгельм I назначил 47-летнего дипломата Бисмарка премьер-министром, который позже стал и министром иностранных дел. Новый премьер не скрывал своих намерений. На одном из заседаний бюджетной комиссии он произнес поистине историческую речь: «Не речами и не постановлениями большинства решаются великие вопросы времени — в этом была крупная ошибка 1848 и 1849 гг., — а железом и кровью. Пруссия необходимо должна держать свои силы наготове в ожидании благоприятного момента, который несколько раз был уже пропущен. Прусские границы неудобны для здорового государственного организма»².

Ограничив, для начала, политическую демократию и приструнив «свободную прессу» в самой Пруссии, Бисмарк приступил к объединению Германии единственным доступным ему

методом. В войне с Данией (1864) были присоединены Шлезвиг и Гольштейн. Далее последовала война с Австрией (1866), в результате которой были присоединены Ганновер, Кургессен, Нассау и вольный город Франкфурт-на-Майне. Был создан новый Союз северогерманских государств под гегемонией Пруссии. Франко-Прусская война 1870 г. и постыдное поражение Наполеона III привели к присоединению к Германии Эльзаса и Лотарингии — развитых промышленных зон восточной Франции, богатых полезными ископаемыми, прежде всего железной рудой. В результате в Германии стала создаваться мощная металлургическая база. Контрибуция в 5 млрд франков, уплаченная Францией Германии после войны 1870–1871 гг. превратилась в источник новых инвестиций в промышленность и в оборонную сферу.

В 1871 г. объединение Германии было завершено. Германия превратилась в великую державу с 40-миллионным населением. В январе 1871 г. была восстановлена Германская империя, первым императором был провозглашен Вильгельм I, а первым канцлером Империи в мае 1871 г. стал Бисмарк. На этом посту он пробудет до 1890 г.

Политические проблемы и войны не отводили на второй план экономические проблемы. Отто фон Бисмарк ухитрялся делать два дела одновременно, прекрасно понимая, что германское величие будет эфемерным без мощного экономического рывка. Проследим за логикой его экономических действий.

1. Бисмарк продолжал осуществлять жесткую протекционистскую политику. Протекционистский тариф 1879 г. явился очередным подтверждением неизменности курса на поощрение национальной промышленности. Этот курс сохранился надолго и продолжал осуществляться и после ухода Бисмарка в отставку.

2. Окончательно было уничтожены остатки феодальных отношений в аграрном секторе на всей территории Германии. Сельское хозяйство стало развиваться, в отличие от США, на основе рыночных преобразований крупных юнкерских поместий. В Германии развивалось интенсивное сельское хозяйство с травосеянием и плодопеременной системой. Развитие химической промышленности позволило широко применять химические удобрения.

3. Бисмарк всемерно поддерживал инновационные стремления германских предпринимателей, инженеров и ученых. В

результате технические новшества появлялись целыми «гроздьями». В 60-х гг. в Германии развивается собственное машиностроение, и эта отрасль перестает зависеть от поставок из Англии. Центром промышленного развития становится Рурская область, где разворачиваются военные отрасли производства. Уже к концу 60-х гг. фирма Круппа стала поставлять оружие в другие страны. В 1867 г. В. Сименс изобрел динамо-машину, а в 1879 г. запустил первый трамвай. Именно в Германии, именно при Бисмарке (и это не случайно) появились бензиновый двигатель внутреннего сгорания Н. Отто (1877), и первый автомобиль Г. Даймлера и К. Бенца (1885). Позже, в 1897 г., появился двигатель Рудольфа Дизеля. В 1888 г. Генрих Герц открыл электромагнитные волны. Путь для развития германской электротехнической промышленности был открыт. Кстати, первая в мире исследовательская лаборатория на промышленном предприятии появилась в Германии, ее открыла в 1877 г. химическая фирма «БАСФ». Первые в мире специализированные технические вузы появились в 70-х годах тоже в Германии. В середине 60-х гг. в экспорте Германии стали преобладать промышленные изделия (52%), а в импорте — сырье и пищевые продукты (61%).

4. Бисмарк поощрял развитие крупных предприятий и снял все ограничения для образования промышленных корпораций. Он легко санкционировал картельные соглашения, а государство при нем принимало участие в финансировании акционерных компаний. Еще одним новаторством Бисмарка было довольно широкое размещение государственных заказов на продукцию тяжелой индустрии. Рост некоторых фирм происходил буквально мгновенно. На заводе локомотивов Борзига в 1857 г. было занято 37 рабочих, а в 1866 г. уже 1 600. Наиболее крупными предприятиями становились железнодорожные компании. Бисмарк прекрасно понимал значение железнодорожного строительства и для экономического и для военного развития. В те времена в экономической науке еще не было понятия мультипликации, но идея мультипликативного развития, как и многие другие, «носилась в воздухе». Не зря и в Германии, и в Японии, и в России правители-новаторы столько внимания уделяли именно железнодорожному строительству.

5. Политика, начатая Бисмарком, способствовала модернизации системы управления на микроуровне. В Германии, рань-

ше, чем где-либо, крупные компании диверсифицировали свою деятельность. Предприятия (например, «Сименс») приняли стратегию организации многочисленных подразделений и уже в конце XIX в. провели вертикальную интеграцию, создавая хорошо управляемые промышленные системы³.

6. Единство Германии требовало активного внедрения единой валюты (единая золотая марка введена в 1874 г.), единой системы мер и весов, единых железнодорожных тарифов, что было осуществлено в 1868 г. Развивалась рыночная инфраструктура: банки, страховые компании, товарные и фондовые биржи. Коммерческие банки и их холдинги приняли участие в бурно развивающихся железнодорожных компаниях и связанных с ними предприятиях базовых отраслей. В стране появились финансовые гиганты: «Немецкий банк», «Учетное общество» («Дисконто гезельшафт»), «Дрезденский банк».

7. Германия с большим опозданием, но приняла участие в колониальном дележе мира. Колониальные владения Германии уступали английским в 11,5 раз по территории и в 32 раза по населению колоний. Тем не менее к концу века Того, Камерун, Северо-Западная Африка, Каролинские, Марианские и Маршалловы острова принадлежали Германии.

8. Бисмарком проводилась достаточно хитрая и взвешенная социальная политика. Упорно борясь с социал-демократическим движением марксистского толка, он одновременно проводил мероприятия, дававшие основания для ироничного именованья самого себя «государственным социалистом». Терпимо относясь к развитию профсоюзного движения, он провел через рейхстаг ряд законов о социальном страховании трудящихся. Понимая, что для развивающейся индустрии нужна образовательная база, он принял широкую программу народного просвещения. Бисмарк поощрял развитие кооперативного движения трудящихся. В 1869 г. появилось первое кредитное товарищество Райфайзена в Гордесдорфе, а вскоре Германия стала Меккой для деятелей кооперативного движения Европы.

9. Позитивным внешним результатом преобразований Бисмарка стал быстрый рост населения страны. Менее чем за 30 лет, с 1871 по 1900 г., население увеличилось с 35 до 50 млн чел.

В результате, к началу XX столетия Германия выдвинулась в лидирующую группу стран Европы, прочно заняв второе место после Англии.

Япония: восточный тип модернизации

В первой половине XIX в. Япония — аграрная страна, практически изолированная от остального мира. В середине века население Японии составляло около 30 млн чел. Немногим менее 7% населения — это самураи и их семьи (собственно самураев — 400 тыс., с семьями — 2 млн). Крестьяне — 80%; ремесленники и торговцы — 13% населения. Многие самураи продолжали оставаться на рисовом пайке, предоставляемом государством или крупными региональным правителями, на службе у которых они находились. В городах господствовали цехи (дза) и гильдии (кабунакама). «Теснота» земледельческого населения приводила к тому, что на душу населения приходилось всего 0,12 га обрабатываемой земли, а урожай риса приносил не более 4 центнеров на душу. В то же время в Японии появились и «новые помещики» из ростовщиков, торговцев и разбогатевших крестьян, которым в середине века принадлежало до 1/3 земли.

В политическом отношении Япония представляла странную монархию, в которой власть императора была ничтожной и сугубо символической, а страной правили представители военной элиты — сегуны.

Важнейшее стратегическое и геополитическое положение Японии давно привлекало европейских и американских политиков и предпринимателей. Попытки мирного «открытия» Японии ни к чему не приводили: в Японии под страхом смерти было запрещено всякое общение с иностранцами. Тогда «великая американская демократия» решила проблему простым методом: в 1854 г. к берегам Японии были посланы вооруженные канонерки, и в результате тут же были «отомкнуты» порты Симода и Хакодате. На следующий год в процессе «открытия» Японии не преминула поучаствовать и Россия. Но колониальной экспансии в буквальном смысле слова не произошло: японцы оказывали экономической и политической экспансии европейцев и американцев упорное сопротивление. Да и в самой стране происходили бурные процессы, в которые иностранцы остереглись вме-

шиваться. К тому же от колониального захвата Японию спасли Крымская война 1853–1856 гг. и Гражданская война в США.

В 1863 г. и в Японии началась гражданская война, развязанная враждующими военно-политическими кланами. С 1867 г. в ней активно стал принимать участие юный император Мацухито⁴ (годы правления — 1867–1912) со своими сторонниками. В результате военных побед и удачных политических маневров Мацухито оказался победителем. Сегунат был ликвидирован, многовековой, с XII столетия, «домашний арест» императора прекращен, и вся полнота власти перешла к законному правителю.

Придя к реальной власти, император начал подлинную «революцию сверху», которая вошла в историю как «революция Мейдзи» (*Мейдзи* не имеет дословного перевода на русский язык и условно переводится как «просвещенное правление»). Реформы Мейдзи были многообразны и эффективны.

1. Удельные княжества были ликвидированы. Страна была разделена на префектуры во главе с гражданскими чиновниками. В 1889 г. в Японии была принята вполне буржуазная конституция.

2. Сословные ограничения на выбор профессии были отменены.

3. Были упразднены цехи и гильдии в городах. Свобода торговли и предпринимательства скоро стали нормой.

4. Радикальная реформа осуществлена в землепользовании. Традиционная восточная многовековая форма землевладения была отменена и введена частная собственность на землю. Крупные землевладения были ликвидированы, земли были выкуплены государством, естественно, по ценам, установленным государством. В 1871 г. японские крестьяне получили землю: наделы наследственных арендаторов были бесплатно закреплены за ними на правах собственности. Купля и продажа земли была разрешена без ограничений. Самураям отмена владельческих прав была частично возмещена государственными пенсиями, достаточными для того, чтобы они не сильно сопротивлялись новшествам.

5. Естественно, сразу же появилась и единая общегосударственная денежная система, основанная на иене. В 1895 г. в Японии был введен золотой стандарт.

6. Мацухито на уровень государственной политики возвел заимствования научных и технических достижений из-за рубе-

жа. Одновременно в стране разворачивалась сеть учебных заведений. В 1890 г. школу посещали 90% мальчиков. Для сравнения: в том же году в России грамотных крестьян-мужчин было не более 15%, женщин — менее 3%.

7. Как и в Германии, сразу же проявилась чрезмерная забота об армии и вооружениях: в этой островной стране тоже не хватало «жизненного пространства». Одним из самых популярных лозунгов императора был программный призыв «богатая страна — сильная армия». Военное значение самураев было подорвано введением в 1872 г. всеобщей воинской повинности. Уже в 1876 г. была совершена агрессия против Кореи. В 1894–1895 гг. Япония столкнулась с Китаем и победила его, получив в результате 350 млн иен контрибуции. Следующей на очереди стояла Россия.

8. Как и в Германии, государство всемерно способствовало развитию современной промышленности. В 70-х гг. XIX в. *государство из средств бюджета финансировало строительство крупных промышленных предприятий и передавало их на льготных условиях в частные руки*. Так появились корпорации Мицуй⁵, Мицубиши, Фурукава. Легко догадаться, что предмет особой заботы императора стало интенсивное строительство железных дорог, которое, во-первых, решало задачу экономического объединения страны, во-вторых, вызвало промышленный бум в последней четверти XIX столетия.

9. Уже в 80-х гг. XIX в. в Японии складываются первые монополистические объединения — в производстве бумаги и в морских перевозках⁶.

Казалось бы, японская модернизация осуществлялась по европейскому, точнее германскому, образцу. Несомненно, общего было много. И, тем не менее, восточные традиции давали о себе знать.

Во-первых, в Японии роль государства была гораздо более значительной, чем в Германии, в частности, в инвестиционном процессе. Государство оставалось крупным собственником средств производства⁷, главным инвестором (во всяком случае, до русско-японской войны 1904–1905 гг.) и субъектом, легко перераспределяющим национальное богатство в обществе.

Во-вторых, прозорливая японская буржуазия, не без участия государства и религиозных организаций, не стала разрушать

древние общинные традиции японцев. С самого возникновения промышленных корпораций японским предпринимателям удалось перенести в индустриальную систему общинные элементы хозяйствования и идеологию традиционного уклада. Здесь складывалась особая система менеджмента и внутрифирменных взаимоотношений: в глазах молодого японского пролетариата фирма представлялась своеобразной традиционной общиной, где хозяин был не только работодателем, но и заботливым «отцом большого семейства». Рабочие воспитывались в духе преданности семье-фирме, беспрекословного подчинения начальству. Но взамен фирма уже тогда, на заре индустриальной системы, предоставляла своим «детям» различные социальные услуги. Самым же *сильным проявлением восточного патернализма была система «пожизненного найма».* Если молодой человек в 18 лет попадал на работу в японскую фирму, то он имел гарантии занятости до конца своей трудовой карьеры. Продвижение по службе, прибавки к заработной плате, возможность получить дополнительное образование, вплоть до высшего — все эти блага были обусловлены лояльностью к руководству фирмы и добросовестным исполнением служебных обязанностей. Даже быт, совместные празднования, проблемы воспитания детей находились в зоне внимания «отца-предпринимателя». Подчеркнем: никакого специального законодательства о пожизненном найме в Японии нет. Это — вековая неформальная традиция⁸.

В результате этой сугубо восточной системы, соответствующей национальному духу, японский менеджмент показал высокую эффективность. Любопытно: все попытки иностранных предпринимателей, особенно американских, перенести на свою почву японский вариант управления персоналом не увенчались успехом. Американский рабочий воспитан в духе индивидуализма, самостоятельности, риска. Для него предприниматель — всего лишь работодатель, с которым заключен нормальный рыночный контракт, а вовсе не «отец родной», тем более что в американской традиции и с родным-то отцом многие отношения прерываются в момент достижения совершеннолетия.

Таким образом, к новому XX в. и на Востоке сформировался значительный центр экономической силы, достойный соперник если не американского, то европейского капитала.

Россия: самый странный капитализм

Индустриальный этап в развитии российской цивилизации начинается с поворотной, но условной даты — с 1861 г., с момента отмены крепостного права в России. В 1861 г. Россия еще не была индустриальной державой. Необходимо согласиться с У. Ростоу: движение к индустриальной зрелости в России началось в начале XX в. Но социально-экономические предпосылки для этого движения в значительной мере были созданы именно благодаря отмене крепостного строя.

Для того чтобы в стране развивался капитализм, необходимы определенные условия, которые, как правило, буржуазия создавала для себя сама.

Во-первых, *необходимо пройти этап первоначального накопления капитала*. В России можно обнаружить некоторые источники и способы первоначального накопления, но наиболее эффективными оказывались те, которые так или иначе были связаны с государственной экономической политикой, с участием государства в мобилизации и инвестировании денежных ресурсов. В результате, в процессе индустриальной эволюции поле государственности не только не сокращалось, но и возрастало, что, давая периодически толчки для рыночного развития, в конечном счете, затрудняло переход к капитализму. Ведь аксиоматично важное обстоятельство: *чем больше в экономике государственности, тем меньше рыночности*.

Во-вторых, *буржуазия должна создать для себя рынок свободной рабочей силы*. В России проблемы «рынка труда» решались своеобразно, преимущественно нерыночными методами. Можно констатировать, что *свободной рабочей силы в России не было никогда*. До отмены крепостного строя его не было по определению. Паллиатив отходничества оброчных крестьян не разрешал проблему. Но и после отмены крепостничества степень свободы крестьян была невысокой, ибо сдерживающим фактором оставалась община: для выхода крестьян из общины требовалось ее согласие. Впрочем, в обычные годы с достаточным урожаем и у самих крестьян-общинников не было горячего желания уходить куда-либо из родной деревни. В свое время, столкнувшись с проблемой рабочей силы для мануфактурной промышленности, Петр I попытался решить ее сугубо крепос-

техническими методами с помощью институтов приписных и посессионных крестьян. Но эти институты даже в первом приближении не имели никакого отношения к рынку труда.

В-третьих, *капиталистические производственные отношения требуют адекватных производительных сил*. Исторически доказано, что критерию адекватности отвечает только фабрика, машинная индустрия. Не зря в лексике цивилизационной концепции капиталистическая система фактически отождествляется с индустриальной цивилизацией. Капитал смог воспользоваться техническими изобретениями и теоретическими открытиями и создал систему машин, надолго привязавшую работника к фабрике, без которой теперь этот свободный, но «частичный» рабочий не мог найти себе средства для пропитания. Характерно, что на первых этапах промышленной революции наиболее быстрым темпом машины распространялись там, где рабочая сила была относительно дорогой: таким путем промышленные предприниматели стремились сократить издержки на рабочую силу.

Россия не смогла решить до конца и эту проблему. Изобретательский гений русских ученых, инженеров, техников, талантливых самородков из рабочих не был востребован консервативной традиционной экономической системой. А ведь еще до изобретений Аркрайта, Уатта, Модсли, предопределивших переворот в английской технике, в России появляются первая прядильная машина Р. Глинкова, токарный станок с механической «держалкой» А. Нартова, паровой двигатель И. Ползунова и многие другие изобретения⁹. Даже в период наиболее активного развития машинной индустрии в России на рубеже XIX и XX вв., промышленные центры с крупным машинным производством, основанном на наемном труде, представляли собой лишь вкрапления в море традиционной мелкотоварной, полунатуральной и даже вовсе натуральной экономики. Насыщение крупных предприятий передовой для того времени техникой и оборудованием происходило преимущественно за счет импорта. В 1913 г. 63% общей стоимости оборудования в промышленности приходилось на иностранную технику.

В-четвертых, *простор для капитализма может создать строго определенная политическая система, содержанием которой становится демократия с той или иной степенью разви-*

тости. Достижение демократического устройства государства, сопровождающееся формированием гражданского общества, в одних странах осуществлялось путем революционной смены политического строя, в других — относительно долгих эволюционных преобразований государства, в-третьих, — путем «революций сверху». Но в любом случае демократия, так или иначе, становилась если не торжествующей, то привычной. Ничего подобного в России не было. Эволюция в сторону парламентской монархии, начавшаяся было в краткий период с 1905 г., была прервана большевистским режимом.

В-пятых, *в экономическом организме должны прорасти семена свободного предпринимательства в лице бюргерства свободных от феодальных и государственных пут городов.* История городской буржуазии Запада знает славную страницу — коммунальные революции XI–XIII вв. Относительная свобода городов в России появилась лишь после отмены крепостного права в результате реформы городского самоуправления (1870), да и то она была не завоевана и не куплена, как в Европе, а дарована.

В-шестых, *буржуазия создает соответствующую рынку институциональную среду и инструменты рыночного предпринимательства:* банки, биржи, вексельное обращение, развитые формы бухгалтерского учета, рынок страховых услуг, благоприятную для бизнеса систему налогообложения, наконец, корпоративную форму частной собственности. Все эти институциональные формы, несомненно, существовали в России, но ни одна из них не была представлена в развитом и системном виде.

В-седьмых, *буржуазия создает для себя и идеологию, соответствующую новой экономической системе.* Такой идеологией в западной Европе стал, с одной стороны, *протестантизм*, с другой — *либерализм*. Буржуазия создала подлинный культ хорошо работающего, добродетельного и добросовестного человека, удача к которому приходит благодаря его способности трудиться и разумно рисковать. И с этим условием развития капитализма в России было не все в порядке. Здесь, напротив, до XX в. господствовали иные идеологические установки: православие, самодержавие, соборность, общинность. Особую роль в консервации нерыночной идеологии сыграла ортодоксальная православная церковь, оказавшаяся неспособной к какой-либо

прогрессивной эволюции. Архаичность продолжает оставаться существенной характеристикой православной церкви и сегодня.

Итак, в 1861 г. именно правительство инициировало отмену крепостного строя, чтобы встать в единый ряд свободных от рабства европейских стран. Не следует думать, что Россия — это некий крепостнический монстр, последний оплот рабства на земле. Только в 1857 г. было окончательно уничтожено крепостничество в Германии. В Японии крепостной строй был разрушен в результате революции Мейдзи даже позже, чем в России, в 1872–1873 гг. Соединенные Штаты Америки, этот «оплот демократии», тоже не избежали кровопролитной гражданской войны 1861–1865 гг., в ходе которой и было отменено самое настоящее рабство в южных штатах. Примерно в это же время другой «оплот» — Великобритания захватила всю Индию, установив здесь колониальный режим похуже иного рабства. Большая часть человечества, население Азии, Африки, Латинской Америки, еще и не знало, что существуют такие слова — индустрия и цивилизация.

Реформа 1861 г. была подготовлена очень тщательно. Освобождение крестьян осуществилось на компромиссных началах. Крестьяне получили «землю и волю», хотя и за деньги и в урезанных масштабах, помещики потеряли зависимых крестьян и часть земли, хотя и были компенсированы деньгами.

Для России это была уникальная *реформа, она не удовлетворила никого, и в то же время удовлетворила всех*. Неудовлетворенность крестьян выразилась в многочисленных стихийных акциях протеста, в том числе и в восстаниях в селах Бездна и Кандеевка (апрель 1861 г.), которые были жестоко подавлены войсками. Но, как всегда, в конечном итоге *победила конформистская приспособляемость русского народа к изменившимся условиям жизни*.

«Успокоение» не могло быть длительным потому, что *основные противоречия крестьянской страны не были разрешены*:

- сохранилась крупная помещичья собственность на землю;
- земля не стала абсолютно свободным объектом рыночного перераспределения, хотя степень этой свободы выросла неизмеримо;
- сохранилась нерыночная общинная форма крестьянского землевладения, создающая препятствия для быстрого разверты-

вания рынка рабочей силы, хотя зачаточные его формы все же появились;

– политическое устройство России — абсолютная монархия — не создавала достаточного простора для развития буржуазных производственных отношений.

Крестьянская реформа создавала определенные предпосылки для развития капиталистических отношений, но не обеспечила условий для системного их развития.

Много было препятствий на пути капиталистического хозяйствования. Были затруднения, так сказать, «технического порядка»: в середине века в России только 6% населения были грамотными, хотя в это и трудно поверить. Капиталистическая экономика, имея дело с рыночными категориями, предполагает более высокую степень грамотности населения и уж неизмеримо более высокий уровень развития интеллектуального потенциала общества. К концу века в России было чуть более 20 тыс. чел. с высшим образованием, из них 4 тысячи инженеров и около 3 тыс. чел. с учеными степенями и званиями.

Дефицит знаний сопровождался вечным дефицитом денег. Крымская война поставила страну на грань финансового банкротства: за три года (1853–1856) дефицит государственного бюджета вырос почти в 6 раз (с 52 до 307 млн р.). Как и раньше, львиная доля расходов бюджета приходилась на военные цели. При всех демагогических намерениях, направленных на *просвещение народа, народное просвещение* получало из бюджета только 1% всех расходов.

Движение к капитализму, как и к любому иному цивилизованному обществу невозможно без затрат. Частный капитал не мог осуществлять значительных инвестиций в реальный сектор без развитой кредитной системы. Русские реформаторы это прекрасно поняли, поэтому в ходе преобразований одной из самых острых стала *задача банковских преобразований*.

Еще в 1859 г. специальная правительственная комиссия высказалась за учреждение частных коммерческих банков европейского образца. *2 июля 1860 г. был создан Государственный банк России* с правом выдавать краткосрочные ссуды и совершать иные банковские операции. Нет, это еще не означало создания двухуровневой банковской системы: Государственный

банк не стал «банком банков», которых еще просто не было. Это был коммерческий и эмиссионный банк, принадлежащий государству.

Проблема мобилизации сбережений граждан для инвестиционных целей оставалась нерешенной. Мелкие сбережения практически не превращались в инвестиционный ресурс. Только в 1862 г. был принят *устав городских сберегательных касс*, общее управление которыми возлагалось на Государственный банк.

В 1863 г. появилась первая банковская организация, основанная на частной инициативе — *Санкт-Петербургское общество взаимного краткосрочного кредита*.

1 ноября 1864 г. произошло событие, которое должно стать профессиональным праздником русских банкиров, — был открыт первый в истории России Санкт-Петербургский Акционерный частный коммерческий банк. Банк полноценный, профессиональный, с современным набором операций и с соответствующими подразделениями. И тут — как прорвало. В 1866 г. основан Купеческий банк в Москве, в 1867 — частные коммерческие банки в Киеве и Харькове, в 70-е гг. князь А.И. Васильчиков начинает организацию дешевого кредита для крестьян — кредитных товариществ по типу народных банков Г. Шульце-Делича в Германии. Банковское дело становилось престижным и доходным бизнесом. В 1873 г. в стране функционировало уже 39 акционерных коммерческих банка с суммарным основным капиталом в 1,06 млрд р. Для сравнения: основной капитал Государственного банка составлял 211 млн р.

Убийство Александра II подвело черту под непродолжительной полосой прогрессивных реформ. Многие действия Александра III вполне могут считаться «контрреформами». Возросла роль полиции, в том числе и в судопроизводстве, дворяне получили главенство в земствах, практически была ликвидирована университетская автономия, вновь забушевала цензура, началась насильственная русификация национальных окраин. Но в области финансов и кредита царь вынужден был проводить политику, соответствующую интересам российских предпринимателей и перспективам модернизации экономики. Ведь он при всей своей реакционности не был врагом себе. К счастью, экономическая политика часто зависит от объективных тенденций, а не от жела-

ний политиков. А прогрессивные изменения происходят не «из-за» правителей, а «вопреки» им.

В 1882 г. был создан Крестьянский поземельный банк для кредитования крестьян, который позже, при П.А. Столыпине, сыграл свою положительную роль. В 1885 г. с теми же целями был основан *Дворянский банк*. В 1883 г., после некоторого перерыва, возобновлено учреждение акционерных коммерческих банков. Правда, еще в 1895 г. сумма срочных вкладов в Государственном банке превышала сумму вкладов во всех акционерных банках России: сказывалось особое доверие населения к государственному учреждению (или недоверие к частному).

Тогда же, в 1883 г., был объявлен обязательным выкуп земли временнообязанными крестьянами (их оставалось еще 15%). Годом раньше выкупные платежи были понижены (правительство исходило из того, что в полной мере их все равно не получить). Наконец, *14 мая 1883 г. была отменена подушная подать для основной массы крестьян, просуществовавшая с 1719 г.* Облегчение для крестьян было огромное — они освободились от уплаты почти 53 млн р. в год¹⁰. Эти средства были вполне компенсированы подоходным земельным налогом (1875), акцизами и введенным в 1898 г. государственным промысловым налогом, которым облагались не предприниматели, а предприятия (государство взимало менее 20% прибыли — вполне приемлемая ставка).

Теперь надо было «подлечить» денежное обращение. В 1884 г. министр финансов *Н.Х. Бунге*, убедившись в невозможности стабилизации рубля на прежней серебряной основе, перешел к политике девальвации и *взял курс на золотую валюту*. Началось накопление золота в Государственном банке. Были увеличены таможенные пошлины, которые стали взиматься в золоте. Облигации государственного займа тоже продавались за золото. При преемнике Бунге И.А. Вышнеградском началась самая настоящая хлебная экспансия на Запад. Нужно было золото, и именно он выдвинул лозунг *«недоедим, а вывезем»*¹¹. В 1888 г. был ликвидирован дефицит государственного бюджета. Успех окрылил. Министерство финансов взяло курс на мобилизацию даже мельчайших вкладов населения для укрепления финансово-кредитной системы. В 1889 г. Государственному банку было

разрешено открывать сберкассы при почтовых отделениях, на фабриках и заводах, позже — при любых учреждениях и заведениях (1895), при управлениях железных дорог (1900), судах военного флота и даже школах (1902).

В 1891 г. был введен почти запретительный протекционистский таможенный тариф: обложение достигало 33%, а по некоторым товарам — 100% стоимости возимого товара. *Выгоднее стало ввозить капиталы, а не товары.* Активный торговый баланс и устойчивый курс рубля поддерживался экспортом хлеба.

Но вот какая случилась незадача: в те времена никто не слышал слова «монетаризм», однако политика Бунге и Вышнеградского была явно монетаристской. Министры финансов преувеличивали значение финансовой стабилизации, отдавая ей ведущую роль. Реальному сектору экономики правительство уделяло куда меньшее внимания. Результаты сказались очень быстро: голод 1891 г. стал настоящим кошмаром, приведшим людей к каннибализму¹².

Вышнеградский ушел в отставку по болезни. Министром финансов стал выдающийся государственный деятель России *Сергей Юльевич Витте*. С.Ю. Витте прекрасно понимал, что значит для рыночной экономики, к которой он стремился привести Россию, денежная стабилизация, он стал продолжателем начатого предшественниками дела. Но придя к должности министра финансов из производственной сферы (он долго работал на железной дороге, а потом стал министром путей сообщения), Витте всю свою финансовую политику направлял на стимулирование производственных инвестиций, твердо зная, что экономический рост есть функция инвестиций¹³.

Делая порученное ему дело, он был достаточно безжалостен по отношению к налогоплательщику. В период его пребывания в должности министра (до 1903 г., после чего он стал главой правительства) налоги в общей сложности выросли на 12%. Он был большим любителем вводить новые косвенные налоги и очень жалел впоследствии, что не успел ввести налоги на соль и на освобождение от воинской повинности.

Проводя протекционистскую политику, он добился от царя права повышать таможенные тарифы для тех стран, которые

препятствовали российскому экспорту¹⁴. В 1894 г. Витте вводит казенную винную монополию, значительно укрепившую российский государственный бюджет.

При Витте золотой запас вырос в 3 раза и достиг 814 млн р. Росла и собственная добыча золота. К 1897 г. Россия производила 17,2% мировой добычи золота. Кроме того, Россия ежегодно получала примерно по 100 млн р. иностранных кредитов, преимущественно в золоте. Все было готово, чтобы перейти к золотому денежному обращению, наименее инфляционному и наиболее стабильному¹⁵.

3 января 1897 г. Государственный совет принял закон «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет». Таким образом в России был установлен золотой стандарт. Реформа была осуществлена очень аккуратно и безболезненно. Она не носила конфискационного характера и практически не вызвала чьего-либо недовольства. Россия обеспечила себе стабильность денежной сферы по крайней мере до русско-японской войны 1904–1905 гг. и первой русской революции.

Реформа образования и школьная политика Витте привели к тому, что возросли грамотность и образованность россиян. В 1897 г. была проведена перепись населения, которая показала, что грамотных в деревне теперь стало 23,8%, а в стране — 28,4%¹⁶. За неполных 40 лет количество лиц с высшим образованием выросло в 10 раз: с 20 тыс. до 200 тыс. чел.

На первый взгляд все шло как нельзя лучше: свободные крестьяне начали пополнять ряды молодого российского пролетариата; финансово-кредитная инфраструктура складывалась, население училось читать и писать, банкиры и чиновники богатели, так что средства для инвестиций уже могли появиться. Стало быть, Россия становилась капиталистической. Не будем торопиться с ответом. Рассмотрим этот вопрос по пунктам.

1. В 1897 г. деревенское население составляло 87,2%. Собственно крестьяне составляли 77,1% населения. Крестьяне уже были довольно дифференцированы в социальном смысле: 16,5 млн крестьян имели земельный надел в одну десятину земли; такой надел не обеспечивал даже простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Пятая часть крестьян оказалась вовсе безземельной. Тем не менее, крестьяне держались и за землю,

и за общину надеясь на ее помощь в экстремальных ситуациях. Между прочим, еще в начале 90-х гг. правительство и не думало распрощаться с общиной. Напротив, 14 декабря 1893 г. был принят закон, запрещавший выход из общины тем крестьянам, которые досрочно погасили выкупные платежи.

2. Население за 40 лет увеличилось почти вдвое за счет крестьян (с 74 млн до 126 млн чел.). На первый взгляд — это благоприятный результат реформ. Но, к сожалению, Россия подтверждала некоторые мальтузианские идеи: положение крестьян ухудшилось ввиду крайне низкого темпа роста производительности труда. За счет хлебопашества крестьянин покрывал от четверти до половины своих потребностей, а часть своей продукции продавал, сокращая потребление, но не ради товарного обмена на другие продукты, а ради уплаты податей и налогов. Иначе говоря, покупательная способность основной массы населения не только не росла, а падала.

3. В сельском хозяйстве 30 тыс. помещиков и 10 млн крестьян имели примерно одинаковое количество земли — по 70 млн десятин. Помещики оставались главными собственниками земли и преувеличивать процесс «помещичьего обезземеливания» не стоит, хотя нужно знать и то, что «дворянский клин» за 20 последних лет XIX в. сократился на четверть.

4. Крестьянский надел в среднем на одну ревизскую душу уменьшался и составлял: в 60-е гг. 4,8 десятины; в 1880 г. — 3,5 дес.; в 1900 г. — 2,6 дес. Крестьянское обезземеливание шло быстрее помещичьего. В 80-е гг. пятая часть крестьянства прибрала к рукам почти половину крестьянской земли. Бедняки (50% крестьян) владели 30% земли.

5. В городах проживало 12,8% населения. Индустриальные рабочие составляли немногим более 1% населения. Основная масса рабочих — это сезонники, отходники, сельские батраки. Большинство рабочих сохраняли свой надел в деревне и даже по паспорту числилось крестьянами.

6. Страна испытывала острый недостаток инженерных кадров (4 тыс. чел.). Хотя лиц с высшим образованием и стало почти 200 тыс., большинство из них были выпускниками гуманитарных факультетов университетов. Лишь 5% студентов училось на физико-математических и инженерных факультетах. Да

и 200 тыс. образованных россиян — это всего лишь 0,16% сто двадцатипятимиллионного населения страны.

7. *Государственная собственность оставалась господствующей в России.* В крестьянской стране, где земля была основным средством производства, почти 40% земельной площади, годной для хозяйственного освоения, и 66% лесных массивов принадлежало государству. Железные дороги, часть крупных металлургических и машиностроительных предприятий традиционно были государственными. Большинство казенных заводов принадлежало министерству морского флота (Адмиралтейский, Балтийский, Ижорский заводы) или военному министерству (сталелитейные, оружейные, орудийные заводы). Частному капиталу в этих условиях было довольно тесно.

8. *Россия оставалась предельно бюрократизированной страной*, что объективно было следствием огромной государственной собственности на средства производства и финансовые ресурсы. Видимая упорядоченность государственной машины скрывала межведомственную неразбериху и откровенную коррумпированность чиновников. Рост численности чиновников в России беспрецедентен: в конце XVIII в. 13–15 тыс. чел.; в середине XIX в. — 61,5 тыс. чел.; в конце XIX в. — 436 тыс. чел. А власть их — жестока. Только в 1862 г. в России были отменены телесные наказания кошками, шпицрутенами и клеймение преступников.

9. Сколько бы усилий ни прикладывали власти и предприниматели к делу развития производительных сил, страна так и не была обеспечена гарантированным уровнем потребления основных продуктов питания. Экономическая безопасность России оставалась неразрешенной проблемой. Примерно раз в 10 лет страну поражали неурожай и голод. Особенно социально опасными были неурожай 1891 и 1901 гг.

Думается, этих девяти пунктов достаточно, чтобы предложить следующую гипотезу:

С середины XIX в. Россия начала длительный путь формирования буржуазных производственных отношений. К XX в. она подошла в переходном состоянии, когда ни одна содержательная характеристика капитализма не существовала в развитом виде. Капиталистическая экономика существовала лишь как тенденция, а не как система.

Чтобы подтвердить эту гипотезу, нам надо ответить на главный вопрос: какова была степень индустриального развития России?

Была ли Россия индустриальной?

То, что в России в середине XIX в. началась индустриализация и началось формирование промышленной буржуазии ни у кого не вызывает сомнений. Надо только посмотреть на степень их развитости.

Зачатки индустриализации России нужно отнести к 40-м гг. XIX в., когда к машинному производству стало переходить хлопчатобумажное производство. В 60-е гг. полностью были механизированы бумагопрядение и в большей части ситцепечатание. В металлургии уже было внедрено пудлингование вместо кричного производства.

Несомненно, что двигателем индустриального развития стало железнодорожное строительство. В 1851 г. была открыта первая железная дорога Москва–Петербург.

В середине века к участию в железнодорожном строительстве стал привлекаться, помимо государственного, и частный капитал, в частности, крупный иностранный банкирский дом Штиглица. Но главным инвестором оставалось государство. В 1857–1878 гг. практически весь дефицит государственного бюджета был вызван поддержкой частных железнодорожных обществ. Массовое железнодорожное строительство приходится на 1865–1875 гг. Оно вызвало настоящий мультипликационный эффект, благодаря государственным заказам локомотивов, вагонов, рельсов, шпал, строительно-монтажных работ, продовольствия для строителей, наконец, проектов. Но тут же проявилась одна из самых распространенных болезней неразвитой рыночной системы: неплатежи. В 1868 г. частные железнодорожные общества задолжали казне за предоставленные кредиты и за поставленное оборудование и материалы 100 млн р. Тем не менее, в 1870–1871 гг. государство передало на льготных условиях казенные железные дороги частному капиталу. Но не надолго! Только до 1878 г. железные дороги были полностью частными. Правда, сеть их расширилась незначительно, а долги казне возросли в 5 раз и составили 515 млн р. В 1878 г. государство вновь

занялось железнодорожным строительством и выкупило у частных лиц часть дорог, списав долги на сотни миллионов рублей.

Характерно, что железнодорожное строительство сразу вызвало и стремление к объединениям монополистического типа: конкуренция в России была непривычным, опасным и беспокойным делом. Лучше было договориться, тем более что олигополическое количество предприятий позволяло это делать. В 1882 г. в России появился «Союз рельсовых фабрикантов», в 1884 г. «Союз фабрикантов рельсовых скреплений». Опыт оказался удачным и в 1887 г. появился мощный синдикат мирового уровня «*Союз русских сахарозаводчиков*». В конце века появились первые признаки сращивания промышленного и банковского капитала. Так, Петербургский международный коммерческий банк купил акции Никополь-Мариупольского металлургического общества, Российского золотопромышленного общества, машиностроительного завода Гартмана и других предприятий. Колоритнейшей фигурой русской истории стал *А.И. Путилов*, который был не только владельцем известных машиностроительных заводов, но и директором и фактическим хозяином крупнейшего Русско-Азиатского банка.

В начале нового века процесс формирования монополизированных объединений продолжался. Синдикаты «Продамет» (контролировал 60% всего внутреннего рынка черных металлов), «Гвоздь», «Продуголь», крупные нефтяные корпорации с самого начала показали желание и способность затормозить, исходя из частных корыстных целей, развитие конкуренции в своих отраслях. Так, после образования синдиката «Продамет» (1904) в России не было построено ни одного крупного металлургического предприятия. Нефтяная фирма «Товарищество братьев Нобель» всеми силами старалась не допустить развития новых месторождений в районе городов Грозный и Ухта.

Российская промышленность и банковская сфера не прошли периода свободной конкуренции, но с самого начала проявили тенденцию к монополизации, что в сочетании с государственным воздействием на экономику противоречило развитию рыночной системы.

Тяжелая промышленность России не могла бы развиваться без государственной помощи. Бизнес стремился в отрасли легкой

промышленности (текстильную, пищевую), в лучшем случае — горнодобывающую. Здесь дивиденд был гораздо выше, чем в машиностроении или металлургии и доходил в 90-е гг. до 25%.

И в горнодобывающей, и в нефтяной, и в машиностроительной промышленности с самого начала *ведущую роль играл иностранный капитал*. В этом нет ничего плохого: отечественную промышленность скорее могут сгубить иностранные товары, чем иностранные капиталы, инвестированные в реальный сектор. Кстати, в начале XX в. Россия имела всего 3% всего мирового импорта. Мы не очень нуждались в иностранных товарах, мы действительно нуждались и сейчас нуждаемся в иностранных инвестициях¹⁷. При С.Ю. Витте привлечение иностранного капитала в промышленность России стало частью экономической политики. Вот как писал об этом сам Витте: «В мое время значительно выросла русская промышленность. Благодаря систематическому проведению протекционистской системы и защите с моей стороны и приливу к нам иностранных капиталов промышленность у нас быстро начала развиваться, и в мое управление министерством, можно сказать, прочно установилась национальная русская промышленность»¹⁸. Обратим внимание на нюанс: иностранные капиталы способствовали развитию *национальной русской промышленности*.

В 1890 г. четверть всего российского акционерного капитала принадлежала иностранцам. В 1899 г. Витте предложил направлять иностранные капиталы на развитие промышленности и банковской сферы, *привлекать инвестиции, а не займы*, облегчить импорт технологий, разрешить иностранным инвесторам покупать недвижимость и землю. (Эта политика, дав значительный результат, в конце концов, сгубила его государственную карьеру). В 1900 г. доля иностранных инвестиций составляла: 70% в горной промышленности; 72% в машиностроении и металлообработке; 31% — в химической промышленности; 14 металлургических заводов Юга из 18 были иностранными. К началу XX в. иностранные вложения составляли 45% всего акционерного капитала. Из них более половины (54,7 %) — в горной и металлургической промышленности¹⁹.

В 1883 г. во всю ширь развернулось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. В это трудно поверить, но магистраль протяженностью в 7,5 тыс. км была построена за

10 лет силами всего 8 тыс. русских артельщиков, которые, используя лишь силу кооперативного труда и свою смекалку, сделали это без современных механизмов и сегодняшних достижений инженерной мысли. Но подчеркнем еще и то, что артелям очень хорошо платили, и многие из артельщиков после завершения работы смогли открыть собственное дело.

К сожалению, на этом нельзя остановиться. Чтобы мы объективно оценили уровень развития железных дорог, посмотрим на важнейший показатель: плотность железнодорожной сети (1 км пути на 1 тыс. км² территории): Великобритания — 100; Германия — 80; Россия — 1,5.

Как и подобает стране с развивающейся промышленностью, в середине 90-х гг. Россия вплотную столкнулась с *рабочим движением*, забастовками, наконец, с первыми революционными организациями российского пролетариата. В 1895 г. двадцатипятилетний *В.И. Ульянов создал свою первую марксистскую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»*, того самого класса, который еще только выходил на арену экономической и социальной жизни. С.Ю. Витте среагировал практически мгновенно. В 1897 г. был принят закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности». Впервые в истории России закон ограничил рабочий день... 11,5 часами! Но и это в условиях царской России было огромным достижением социальной политики.

В 1903 г. Витте провел еще один закон — об ответственности предпринимателей за производственные увечья рабочих. Вполне цивилизованный закон. Особенно когда его исполняли.

Но время С.Ю. Витте кончилось вместе с революционным взрывом 1905 г. Он не успел превратить Россию в страну индустриальной цивилизованности. *Тенденция к индустриализации страны была намечена, но не стала фактом.*

Этот загадочный «крестьянский вопрос»

Революция показала, что главный вопрос России — крестьянский — не нашел своего ответа.

8 июля 1906 г. председателем Совета министров был назначен П.А. Столыпин, сохранивший за собой пост министра внутренних дел.

Трудно разделить восторги современных исследователей по поводу деятельности этого человека. Эпитет «Столыпин-вешатель», ходивший не столько в пролетарских, сколько в либеральных кругах в годы революции и после нее, вполне соответствует историческим реалиям. Понять его страсть к специфическим «стольпинским галстукам» можно, простить — трудно. Тем не менее, это был выдающийся человек, который хотел для России все того же «величия» преимущественно за счет русских крестьян. Но уважение к памяти Столыпина не может быть высоким не только из-за репрессий, которые он обрушил на революционное и просто демократическое движение России. Свое полицейское дело он делал хорошо. Речь о другом: ему ничего не удалось из задуманного. Именно это и смущает, когда читаешь восторженные статьи о нем, публикующиеся в *демократической* России. Смущение усиливается оттого, что главные идеи, которые он хотел реализовать на практике, были сформулированы не им, а Сергеем Юльевичем Витте. А Витте все-таки многое удавалось.

Важнейшим препятствием на пути индустриально-капиталистической модернизации России продолжала оставаться крестьянская община. Общинная организация землевладения, труда и быта оказалась настолько привычной для русских крестьян, что в 70-е гг. XIX в. началось возрождение общинных земельных переделов уравнительного характера. Это была своеобразная реакция крестьян на развитие товарно-денежных отношений в деревне и на начавшуюся интенсивную социальную дифференциацию внутри *мира*. Здесь действовала старая традиционистская идеология, сохранившаяся до сих пор: если я не могу жить лучше соседа, так пусть и он живет хуже. Эту идеологию поддерживала и основная масса крестьянства, и — особенно рьяно — люмпенская и батрачская часть сельского населения. А к 1890 г. число батраков достигло 3,5 млн чел. (около 20% взрослого мужского населения села). Впрочем, это была особая прослойка сельских пролетариев: у всех у них сохранились общинные права, у многих — наделы и они, конечно, жаждали «черного передела».

В 1896 г. С.Ю. Витте впервые высказался против общинного землепользования и круговой поруки. Через два года он обратился к царю уже с официальным письмом по этому поводу. В

1903 г. он добивается отмены круговой поруки: теперь каждая крестьянская семья должна была самостоятельно отвечать за свои повинности. Это тоже не нравилось беднейшей части села. Все это было паллиативами.

Крестьянские выступления 1905 г. показали: сохранять такую взрывоопасную ситуацию на селе смерти подобно. Крестьяне жаждали помещичьей земли, беднейшие крестьяне — и помещичьей и «кулацкой».

Жертвовать помещичьей землей властям было невозможно. Хотя в октябре 1905 года широкий резонанс получил призыв профессора П.П. Мигулина начать немедленное отчуждение половины помещичьей земли в пользу крестьян. Осенью 1905 г. испуганное правительство готово было отдать крестьянам 25 млн десятин земли, в том числе помещичьей. Главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер уже составлял соответствующий проект. Но революция пошла на спад, начались злобные нападки на Кутлера. Власти не посмели посягнуть на «священную» помещичью собственность. Единственное, что они смогли сделать для крестьян — это отменить 3 ноября 1905 г. выкупные платежи за наделные земли. В мае 1906 г. за упразднение общины высказались уполномоченные дворянских обществ.

А дальше за дело взялся П.А. Столыпин. Он начал планомерно разрушать общину. Не нужно считать, что общинное землевладение было единственной формой, но она была подавляющей (75% всей используемой в хозяйственных целях земель). *Столыпин задумал создать новый класс «справных хозяев», фермеров европейского образца не за счет помещиков или государства, а за счет малосильных общинников.* Идея сама по себе умная, но труднореализуемая: Столыпин не учел сопротивления самих крестьян и слишком надеялся на свой полицейский опыт. Вообще-то программа П.А. Столыпина отнюдь не ограничивалась мероприятиями по упразднению общины. Он хотел ввести систему начального образования для крестьян, наладить единоличное крестьянское землевладение, организовать государственное страхование крестьянских хозяйств, ввести подоходный налог, реформировать местное самоуправление. (Между прочим, свою экономическую политику сам Столыпин называл «государственным социализмом»). Видимо лавры Бисмарка не давали ему

покою). Возможно, что если бы Столыпин не пал жертвой террориста в 1911 г., он что-нибудь и успел. Но судьба русских реформаторов никогда не бывала простой и безоблачной.

9 ноября 1906 г. в чрезвычайном порядке без обсуждения в Думе был принят указ правительства о праве выхода крестьян из общины и закреплении надела в их личной собственности²⁰. 14 июня 1910 г. теперь уже Дума принимает закон о выходе крестьян из общины. Закон провозглашал главный постулат аграрной реформы: отныне для выхода из общины не требовалось ее согласия, а противодействие выходу считалось незаконным. Вышедшие из общин крестьянские семьи получали значительную помощь и кредиты от правительства и Крестьянского банка.

Результаты усилий правительства были достаточно весомыми. Сельское хозяйство, субсидируемое и кредитуемое правительством, действительно показало значительный рост.

По-разному можно оценить итоги столыпинских реформ. Когда исследователи говорят о количестве вышедших из общин крестьян, то, в зависимости от идеологических посылок, мнения расходятся на противоположные. Одни утверждают, что реформа не удалась, ведь *всего четверть хозяйств* вышло из общин. Другие, — что реформа принесла значительные результаты, ведь за 10 лет *аж четверть хозяйств* вышло из общин. Давайте попробуем разобраться объективно.

1. *Столыпинская реформа не предусматривала ликвидации помещичьего землевладения.* Существовала лишь теоретическая возможность постепенной мобилизации помещичьей земли в руках сельской буржуазии сугубо рыночным путем. С другой стороны, существовала надежда, что сами помещичьи имения будут постепенно эволюционировать в сторону рыночных форм хозяйствования. Русские помещики никак не могли согласиться с идеей, что земля принадлежит крестьянам.

2. При всех значительных усилиях со стороны правительства и силовых ведомств, *община в России сохранила свои позиции.* По данным Вольного экономического общества большинство крестьян выходило из общин с целью продать свою землю (52,5%) и лишь 18,7% собиралось вести самостоятельное хозяйство²¹. Стремление русских крестьян к самостоятельному хозяйствованию, таким образом, сильно преувеличено.

3. Если бы земельная реформа была более радикальна и если бы она соответствовала хозяйственному духу русского крестьянства, то Россия избежала бы трагедии 1917 г. даже в условиях военного лихолетья.

Крестьянский надел и общинное землевладение тысячу лет были основой устойчивости русского общества. Разрушая общину, Столыпин своими руками толкал Россию к неустойчивому состоянию, что и сказалось в годы войны и революции.

Каким же было российское общество накануне войны и революции? Есть очень большой соблазн назвать его *смешанным обществом*, где в единой неорганической системе сосуществовали капиталистические и докапиталистические, индустриальные и доиндустриальные формы хозяйствования. В этой неоднородности таился внутренний потенциал развития, но этот потенциал не был актуализирован в связи с более грубой, не вполне естественной формой разрешения противоречий — революцией.

Если же есть горячее желание назвать российскую экономическую систему капиталистической, то надо учесть, что это был *государственный капитализм*.

Тенденции к огосударвлению национального хозяйства усилились в годы Первой мировой войны. Это выразилось в следующем:

– были созданы и функционировали чрезвычайные органы государственного регулирования экономики: «особые совещания» по обороне и по отдельным отраслям народного хозяйства, а также военно-промышленные комитеты с участием крупной буржуазии (Коновалов, Нобель, Терещенко, Рябушинский, Путилов и другие), главной функцией которых было распределение военных заказов;

– было образовано министерство земледелия (1915), наделенное большими полномочиями в регулировании сельскохозяйственного производства, в том числе и цен;

– практически была приостановлена земельная реформа;

– введены государственная хлебная монополия, принудительная государственная разверстка поставок зерна, твердые цены на зерновые; осуществлены реквизиции продовольствия в прифронтовой полосе;

– усилены репрессии по отношению к демократическим и революционным партиям и движениям.

Конечно, все эти меры были чрезвычайные, вынужденные. Но они не спасли империю. А для экономиста результат — единственный показатель эффективности.

Полукапиталистическая, полундустриальная и полунациональная экономика, полугражданское общество, полудемократизированная парламентская система, полуграмотное население не могли существовать долго. В стране зрели революционные события, избежать которых уже никто не мог.

Подведем итоги

Поразительное дело! Три страны со сравнимыми стартовыми условиями, три выдающихся государственных деятеля, глубокое осознание необходимости модернизации и рыночных реформ, примерно одинаковые методы преобразований. Но в двух странах, так или иначе, осуществляется поставленная цель, а в третьей — все завершается полным крахом складывающейся системы. Где искать подлинные причины? На сегодняшнем уровне накопленных знаний трудно найти материалистический ответ. Может ответ надо искать в той зыбкой сфере, которую американский исследователь Дж.Ф. Нормано назвал «The Spirit of Russian Economics»? Вся экономическая история России доказывает, что нашему народу не присущи и даже претят капиталистические формы производственных отношений. Искусственно насаждать их сегодня — значит идти не только против мировой тенденции посткапиталистического и постиндустриального развития, но и против собственного естества.

Примечания

¹ Человек весьма образованный с четкой афористичной речью, он сказал однажды: «Глупость — это дар Божий, но злоупотреблять им не следует» (Чубинский В.В. Бисмарк. Биография. СПб., 1997. С. 9).

² Цит. по: Чубинский В.В. Указ соч. С. 154 и <http://citycat.ru/historycentre/>.

³ В марксистской литературе эти ранние промышленные группы назывались не вполне точно монополиями. Германская промышленность конца XIX в. скорее представляла собой олигополистическую систему.

⁴ В некоторых источниках Муцухито. Император родился в 1852 г., следовательно, к моменту получения трона ему было 15 лет.

⁵ Дом Мицуи возник еще в первой половине XVII в., но тогда он специализировался только на ростовщических операциях.

⁶ Японская пароходная компания образовалась одновременно с «Союзом русских рельсовых фабрикантов» в 1882 г. И вообще многие процессы в России и Японии происходили до 1917 г. синхронно.

⁷ Военные заводы, как правило, оставались государственными.

⁸ Вполне в духе Д. Норты.

⁹ См.: Кашенко Н. Социально-экономические предпосылки технического творчества русских изобретателей XVIII в. // Экономические науки. 1979. № 7. С. 58–62.

¹⁰ Все-таки трудно определить, кто из русских правителей был реакционером, а кто не был им. Думается, что и «контрреформы» — это не прекращение реформ, а продолжение их иными средствами.

¹¹ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1956. С. 181.

¹² Помощь голодающим в России была организована во многих странах мира.

¹³ С.Ю. Витте был и крупным ученым-экономистом, автором конкретно-экономических («Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов») и политико-экономических («Национальная экономия и Фридрих Лист») работ.

¹⁴ С 1890 г. подобную же политику проводили США.

¹⁵ Современная экономическая теория более скептически относится к возможностям золотого обращения, но в конце XIX в. «металлистическая» доктрина денег все еще была жива.

¹⁶ В 1790 г. в Японии посещали школу 90% мальчиков. В Англии и Голландии в том же году 90% населения были грамотными.

¹⁷ О.А. Платонов считает, что эта автаркия России в свое время очень помогла большевикам, которые выдержали блокаду первых лет революции без иностранных товаров вообще (см.: Экономика русской цивилизации. М., 1995. С. 23).

¹⁸ Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 416.

¹⁹ О том, насколько это «страшно», можно судить по США. К началу XX в. в промышленность этой страны было вложено 3,4 млрд дол. иностранного капитала. В то же время сами США разместили за рубежом всего 685 млн дол.

²⁰ Официальное название указа: «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения». Действительным автором указа был товарищ (заместитель) министра внутренних дел В.И. Гурко.

²¹ Экономическая история. Реформы и реформаторы. М., 1995. С. 22.